

УДК 332.146.2

УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ: ОПЫТ КИТАЯ**Песцов С.К.***ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока» ДВО РАН,
Владивосток, e-mail: skpfox@yandex.ru*

Региональная политика в самом общем смысле может пониматься как совокупность различных видов деятельности, которые существенным образом влияют на рост и развитие отдельных территорий (регионов) страны. Она является важным элементом общей системы государственного управления в большинстве стран современного мира. Однако, несмотря на довольно продолжительный опыт осуществления в разных национальных контекстах, ее результаты часто оказывались разочаровывающими. Нарастающий скепсис по поводу эффективности региональной политики в традиционных ее формах породил набирающие силу дискуссии, связанные с поиском новых, более эффективных подходов. Одним из возможных подходов к поиску позитивных решений в рамках дискуссий о новой парадигме региональной политики является осмысление достижений и недостатков уже имеющегося практического опыта управления региональным развитием. Для российских специалистов все более актуальным в последние годы становится опыт региональной политики Китая. Интерес к нему обуславливается не только географическим соседством и сходством размеров, но и общими экономическими успехами КНР. Многие из этих работ, однако, ограничиваются описанием масштабных усилий, которые предпринимались и предпринимаются китайским правительством для развития отдельных территорий, оставляя за рамками не теряющую своей остроты общую проблему неравномерности территориального развития. Все это заставляет более внимательно относиться к опыту Китая, соседней страны, сталкивающейся со сходными проблемами и добивающейся в ряде случаев более существенных успехов в управлении развитием своих регионов.

Ключевые слова: Китай, региональная политика, региональное развитие, стратегия, управление, экономический рост

REGIONAL DEVELOPMENT MANAGEMENT: CHINA'S EXPERIENCE**Pestsov S.K.***Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok,
e-mail: skpfox@yandex.ru*

Regional policy in the most general sense can be understood as a combination of various types of activities that significantly affect the growth and development of individual territories (regions) of a country. It is an important element of the general system of government in most countries of the modern world. However, despite the rather lengthy experience of implementation in different national contexts, its results often turned out to be disappointing. The growing skepticism about the effectiveness of regional policy in its traditional forms has generated growing debate related to the search for new, more effective approaches. One of the possible approaches to finding positive solutions in the framework of discussions about a new regional policy paradigm is to reflect on the achievements and shortcomings of existing practical experience in managing regional development. In recent years, the experience of China's regional policy has become increasingly relevant for Russian specialists. Interest in it is determined not only by the geographical proximity and similarity of sizes, but also by the general economic successes of the PRC. Many of these works, however, are limited to describing the large-scale efforts undertaken and undertaken by the Chinese government to develop certain territories, leaving the general problem of the unevenness of territorial development that is not losing its sharpness. All this makes us more attentive to the experience of China, a neighboring country, which faces similar problems and in some cases is making more substantial progress in managing the development of its regions.

Keywords: China, regional policy, regional development, strategy, management, economic growth

Региональная политика в самом общем смысле может пониматься как совокупность различных видов деятельности, которые существенным образом влияют на рост и развитие отдельных территорий (регионов) страны. Она выступает важным элементом в общей системе государственного управления большинства – не только крупных, но и сравнительно небольших по своим территориальным масштабам – стран современного мира. Однако, несмотря на довольно продолжительный опыт в разных странах и, в ряде случаев, масштабные усилия, результаты региональных политик гораздо чаще оказывались разочаровывающими, нежели

вдохновляющими [1]. Нарастающий скепсис по поводу результатов региональной политики в традиционных ее формах породил набирающие силу дискуссии, связанные с поиском новых, более эффективных подходов. Дополнительный стимул создают радикально меняющиеся тренды экономического роста и развития, идеи «нового открытия» регионов, равно как и меняющиеся представления о целях региональной политики, где, наряду с экономическим ростом, все большее значение придается справедливости, сплоченности и устойчивости.

Одним из возможных подходов к поиску позитивных решений в рамках дискус-

сий о новой парадигме региональной политики является осмысление достижений и недостатков практического опыта управления региональным развитием в разных национальных контекстах. Для некоторых российских специалистов все более актуальным в последние годы становится опыт региональной политики Китая. Интерес к нему обуславливается не только географическим соседством и сходством размеров, но и общими экономическими успехами КНР, которые выглядят впечатляющими на фоне заторможенной российской экономики и безуспешных попыток обеспечить рынок в региональном развитии Дальнего Востока. Подтверждением этого служит растущее число работ, посвященных самым разным аспектам региональной политики в Китае [2–4].

Многие из этих работ, однако, ограничиваются описанием тех, иногда действительно масштабных, усилий, которые предпринимались и предпринимаются китайским правительством для развития отдельных территорий, оставляя за рамками не теряющую своей остроты общую проблему неравномерности территориального развития КНР. Соответственно, общие оценки региональной политики Китая иногда выглядят чрезмерно комплиментарными. Это, в числе прочего, является результатом не вполне обоснованной интерпретации этой политики как общей планомерной и согласованной стратегии [5, с. 32]. Между тем, как это признается многими китайскими специалистами, в действительности региональная политика в Китае с большим основанием может рассматриваться как реакция на меняющуюся внутреннюю и внешнюю ситуацию, а также непредвиденные последствия политических решений. Все это заставляет более внимательно отнестись к опыту Китая, соседней страны, сталкивающейся со сходными проблемами и добивающейся в ряде случаев более существенных успехов в управлении развитием своих регионов.

Материалы и методы исследования

Региональные различия в Китае, по признанию большей части исследователей, обуславливаются как объективными географическими факторами, так и субъективными обстоятельствами, связанными с выбором стратегии развития. Растущее неравенство между регионами, а также социальными группами в Китае, как и во многих других странах, становится серьезным источником социальных конфликтов. Задача контроля и сокращения региональных различий на протяжении многих лет оставалась одной из главных для руководства

страны. Региональное неравенство официально вошло в число наиболее острых проблем стран с середины 1990-х гг., и до сегодняшнего дня задача сокращения разрыва в региональном развитии между востоком и западом, а также югом и севером сохраняет свою актуальность [6]. Теоретической базой исследования послужили научные публикации китайских учёных и специалистов в области региональной экономики и регионального развития, а также программы и стратегии регионального развития, использовавшиеся правительством КНР для преодоления диспаритетов в региональном развитии со времени основания КНР. С учетом поставленной цели исследования был использован системный подход, включающий анализ и критическую интерпретацию концептуальных подходов к управлению региональным развитием в сравнении с достигнутыми результатами.

Результаты исследования и их обсуждение

Эволюционная история региональной политики, как полагает большинство китайских исследователей, может быть представлена в виде трех последовательных этапов: стратегии сбалансированного развития (1949–1978 гг.), стратегии несбалансированного развития (1978 – середина 1990-х гг.) и стратегии скоординированного развития (с конца 1990-х гг.).

Содержание региональной политики на первом этапе определялось идеей масштабного индустриального развития внутренних провинций, выдвинутой правительством Китая под руководством Мао Цзэдуна. В течение первых трех десятилетий существования КНР основные усилия и инвестиции перенаправлялись из более развитых прибрежных районов в более бедные районы, чтобы «скорректировать» врожденную неравномерность регионального развития [7]. Отдавая приоритет задаче достижения сбалансированного развития во всех регионах, в выборе институтов и политических решениях Китай следовал модели бывшего Советского Союза. Вместе с тем не менее важным фактором выступали геополитические обстоятельства, связанные с потребностью укрепления национальной обороны, посредством опоры на использование внутренних сырьевых ресурсов, переноса стратегических отраслей в горные районы центрального и западного Китая и создания самодостаточных промышленных баз вдали от более уязвимого восточного побережья (программа «третьего фронта»). Однако, как оказалось впоследствии, эпоха Мао очень мало способствовала сокращению не-

равенства в региональном развитии. Жесткая система централизованного планирования стала причиной серьезных искажений рыночных механизмов и неэффективного распределения ресурсов [6]. И главное, вопреки официально провозглашенной цели нивелирования диспаритетов в региональном развитии, политика этого этапа заложила основы еще большего регионального неравенства.

В конце 1970-х гг. на смену перераспределительной и выравнивающей политике эпохи Мао пришла политика неравномерного развития Дэн Сяопина. В ее основе лежала идея необходимости первоначальной поддержки центров роста в восточных регионах, которые станут драйверами ускоренного развития всей остальной экономики страны. Свою роль здесь опять же сыграли внешние геополитические факторы, связанные с охлаждением отношений с бывшим союзником, СССР, и их улучшением с прежним соперником, США. Кроме этого, еще три важные причины обусловили смену содержания и приоритетов региональной политики Китая. К первой относится переосмысление уроков прошлого. С конца 1970-х гг. китайские исследователи все чаще стали приходить к выводу, что прежняя политика перераспределения, слабо учитывающая факторы производства, игнорирующая масштабы и внешнюю экономику, скорее замедляла, нежели стимулировала национальный экономический рост. Программа «третьего фронта», предполагавшая высокие инвестиционные затраты с низкой отдачей, выступала примером ошибочного политического решения. Некоторые специалисты в этот период стали приходить к выводу, что равное развитие просто невозможно или нецелесообразно в стране с низким уровнем доходов и развития [8].

Второй причиной стало расширение, вместе с открытием Китая с конца 1970-х гг., теоретических горизонтов благодаря знакомству с западными теориями регионального развития. Китайские специалисты начинают обосновывать политику неравномерного регионального развития, адаптируя предложенную А. Хиршманом концепцию полюсов роста (*zengzhangji*), идеи распространения (*kuosan*) и обратного потока (*fanbo*) Г. Мюрдаля. Весьма популярной для обоснования политики неравномерного регионального развития стала инвертированная U-модель (*dao-U*), предполагающая, что региональное неравенство сначала возрастает на начальных этапах развития, а затем снижается на более поздних этапах. Она стала основой для вывода о том, что Китай

находится на ранней стадии развития, когда неравномерное региональное развитие неизбежно и является не проблемой, а проявлением объективного «закона». Третьим важным обстоятельством стали результаты осмысления опыта других стран, добившихся к этому времени очевидных успехов в экономическом развитии.

Все это в итоге привело к постепенному преобладанию идея о том, что приоритетом должна быть эффективность, а не равенство. В получившей распространение теории последовательных ступеней (*tidu lilun*), восточный регион, обладающий высокой экономической эффективностью, определялся в качестве приоритетной зоны развития, в сравнении с менее эффективными центральными или западными регионами. Порядок развития в этом случае будет соответствовать принципу регионального разделения труда, позволяя размещать экономическую деятельность в оптимальных местах. Децентрализация инвестиций и капитала и переориентация их в центральные и западные регионы, напротив, будет тормозить развитие и сдерживать рост национальной экономики [8, pp. 624–625]. Одним из результатов нового подхода к региональной политике стала институционализация пространственной дифференциации страны. Шестым пятилетним планом (1981–1985) было предложено региональное разделение на восток и запад. Седьмой пятилетний план (1986–1990) официально утвердил разделение на «три экономических пояса» (*sanda jingji didai*): восточный (прибрежный), центральный и западный регионы [9]. Основываясь на обеспеченности этих регионов, для каждого, исходя из их обеспеченности, были определены конкретные роли. Восточный регион сосредоточивался на экспортной индустриализации, высокотехнологичных, информационных отраслях с высокой добавленной стоимостью и внешней торговле; центральный – на развитии сельского хозяйства и энергетики; западный должен был специализироваться на животноводстве и добыче полезных ископаемых [10].

Одновременно с этим происходит и кристаллизация основных типов preferentialной политики, которые использовались для обеспечения ускоренного развития приоритетного прибрежного региона. Во-первых, это выделение большого объема инвестиции со стороны государства в виде кредитов, субсидий и в рамках совместных центральных и местных проектов. Во-вторых, предоставление открытым прибрежным территориям (ОЭЗ) преимуществ сохранения больших объемов ино-

странной валюты. В-третьих, это договоренность о перечислении отдельными территориями единовременной суммы государству, что обеспечивает им большую фискальную автономию по мере роста доходов. В-четвертых, согласие с более высоким уровнем заработной платы работников в прибрежных районах. Пятое, установление «ценовых ножниц», с более низким уровнем цен на первичные товары и сельскохозяйственные продукты более высокими ценами на конечные товары и промышленные продукты. Наконец, шестым типом выступает предоставление прибрежным провинциям и особенно открытым зонам большей свободы с точки зрения денежного обращения, кредитов и займов, облигаций и частных финансовых институтов [8, p. 625].

Хотя, как уже говорилось, руководство Китая в этот период исходило из того, что первоначальная поддержка центров роста в восточных регионах в конечном итоге обеспечит развитие остальной экономики, у него отсутствовало точное понимание того, какие шаги необходимы для перевода регионального развития с побережья на внутреннюю территорию [6, p. 6]. Более того, соглашаясь с тем, что для сокращения регионального разрыва может потребоваться вмешательство государства, Дэн Сяопин полагал, что слишком раннее вмешательство способно подорвать экономический рост, и исходя из этого, считал оптимальным для этого временем конец двадцатого века, когда Китай достигнет «комфортного уровня жизни» (сяокан) [8].

Однако уже в конце 1980-х гг. в работах китайских специалистов все чаще стала появляться критика политики неравномерного регионального развития, вызванная обеспокоенностью ростом регионального неравенства. Практика демонстрировала, что сила позитивного влияния центров роста на внутренние районы существенно уменьшается с увеличением расстояния, а стратегия «растекания из точки в область» (*yidian daimian*) не дает ожидаемых результатов. Внутренние провинции, защищаясь от потерь, вызванных «ценовыми ножницами», пытались воспрепятствовать оттоку сырья и ресурсов со своих территорий с целью их использования для развития собственных производств. Ширилась практика возведения провинциальных и местными властями административных барьеров (*guanqian*), увеличивая сегрегацию и фрагментацию рынка страны. Другими словами, политика неравномерного регионального развития вновь вела к результатам прямо противоположным желаемым: «дублированию отраслевых изменений в регионах, а не реги-

ональному разделению труда; и местному протекционизму и региональной напряженности, а не координации между регионами» [8]. Все это укрепляло позицию тех, кто открыто выражал сомнения в обоснованности стратегии роста за счет экспорта и развития прибрежных районов. Они все активнее настаивали на необходимости для таких крупных стран, как Китай, сосредоточения на внутреннем рынке и собственной ресурсной базе. Еще одним доводом являлась их убежденность в том, что стратегия развития прибрежных районов будет тормозить развитие внутренних регионов, усугубляя дефицит энергии и сырья и еще больше ограничивая национальное промышленное производство. Идея о возможности в будущем переноса экономического роста или ресурсов из более развитых районов в менее развитые районы, констатировали некоторые китайские экономисты, редко подтверждались на практике и является отражением чрезмерно упрощенного подхода.

В середине 1990-х гг. региональная политика Китая вступает в очередной этап своей эволюции. Свою роль в этом вновь сыграли обстоятельства внешнего и внутреннего характера. Роль внешнего стимула сыграл Азиатский финансовый кризис 1997 г., указавший на важность диверсификации экономики страны и необходимость развития внутренних районов. Более важной внутренней потребностью пересмотра стратегии регионального развития стала необходимость уменьшения неравенства в развитии между этническими группами и нивелирования растущей неудовлетворенности меньшинств. Проблема заключалась в том, что «около 86 % представителей этнических меньшинств проживают в западном регионе, а большинство остальных – в северо-восточных и центральных районах. Места, где сосредоточены меньшинства, в большинстве случаев относятся к числу наименее развитых районов» [6, p. 8].

Предшествующая критика политики неравномерного регионального развития способствовала появлению множества предложений о новых моделях и альтернативах существующей региональной политике. Ряд исследователей предлагали государству стимулировать процессы экономического роста путем распространения на центральные и западные регионы политики преференций, которая уже продемонстрировала свою эффективность в прибрежных районах. Другие предлагали вместо популярной ранее модели «подъема по ступеням» разного рода альтернативные варианты. Одним из них выступала модель «чехарды» (*tiaoouye или chaouye*), настаивавшая на необходимо-

сти уделить первоочередное внимание развитию обеспеченных ресурсами западного Китая с тем, чтобы этот район мог соответствовать, если не превзойти, восточное побережье в экономическом росте. Компромиссом между этими подходами выступала идея «частичной чехарды», которая соглашается с приоритетом развития восточного региона, но подчеркивает важность определенной степени развития на западе. Эта идея получила известность в качестве модели «полукруглого фокуса» (*yigeban zhongdian*), сторонники которой исходили из необходимости признания вклада отраслей «третьего фронта» и развития запада в качестве прочной сельскохозяйственной и энергетической базы, способа решения проблем меньшинств и поддержки развития востока. Еще одной разновидностью данного подхода является модель «двух фокусов» (*liangge zhongdian*), которая придает одинаковое значение развитию востока и запада. Одновременно с этим китайские специалисты пытались адаптировать к национальным потребностям концепции центров или полюсов роста. Хотя политика развития, основанная на полюсах роста, провалилась в некоторых странах, ее сторонники утверждали, что тщательное государственное планирование может обеспечить ее успех в Китае. Для демонстрации того, как экономический рост может распространяться от полюсов роста к внутренним районам страны, использовали гипотезы «излучения» (*fushe*), «эффекта чернильных пятен» (*mozi kuosan*) и распространения «от центров (*dian*) к поверхностям (*mian*)» [8, p. 629].

Меняется в этот период и подход к пониманию региональной дифференциации, нашедший свое отражение в предложениях новых форм регионализации в качестве альтернативы прежнему делению страны на три экономических пояса. В середине 1980-х гг. появилась идея шести экономических регионов: северо-востока, севера, центра, юго-востока, юго-запада и северо-запада, со своими центрами и путями развития в каждом. И к началу 1990-х гг. парадигма «трех экономических поясов» окончательно утрачивает свое значение. Важной особенностью исследований начала 1990-х гг. являлось акцентирование роли государства в разработке правил и руководящих принципов для экономики, в мониторинге экономических мер и борьбе с бедностью. Другим агентам развития уделялось несравненно меньше внимания.

Важной рубежной точкой в смене стратегии управления региональным развитием стал Девятый пятилетний план (1996–2000), определивший задачу сокращения регио-

нального разрыва в развитии и содействие региональной экономической координации в качестве одной из девяти основных целей. В 1998 г. правительство Чжу Жунцзи приступило к реализации стратегии «великого развития западных областей» (*xibu da kaifa*) в качестве первого серьезного шага китайского правительства в направлении развития огромного внутреннего пространства страны. Она включала масштабные инфраструктурные проекты, модернизацию экономики и развитие специализированных местных отраслей, управляемую урбанизацию и развитие человеческого потенциала [11]. В 2003 г. премьер-министром Вэнь Цзябао было положено начало программе «Оживление старых северо-восточных промышленных баз», включавшей провинции Ляонин, Цзилинь, Хэйлунцзян и пять восточных префектур Автономного региона Внутренняя Монголия. В этом случае особое внимание уделялось реструктуризации и модернизации технологических возможностей и сокращению загрязнения. Еще через год, в марте 2004 года им был объявлен план «Роста Центрального Китая», главными объектами которого выступали провинции Аньхой, Шаньси, Хэнань, Хубэй, Хунань и Цзянси. Этот план ориентировался на увеличение активов, которыми уже обладает центральный регион, прежде всего сельскохозяйственное производство. Одновременно с этим центральный Китай предполагалось превратить в транспортный узел, соединяющей Север и Юг, Восток и Запад через несколько высокоскоростных железнодорожных сетей [12].

Дальнейшее свое выражение трансформация региональной политики Китая получила в планах Двенадцатой пятилетки (2011–2015). Выступая с разъяснениями ее содержания на «Форуме о важных направлениях региональной экономики и инвестиционном развитии», заместитель министра коммерции Ван Чао сообщил, что, согласно этим планам, Китай намерен обращать больше внимания на сбалансированное, поступательное и рациональное развитие и дальше продвигать координационное развитие региональной экономики. Важные экономические зоны государственного уровня, в частности дельта реки Янцзы, дельта реки Чжуцзян, зона у залива Бохайвань, а также стратегия регионального развития «В первую очередь развивать восток, осваивать запад, поднимать север-восток», подчеркнул он, позволяют разным районам проявить свои сравнительные преимущества в разной степени. Таким образом, в последние десять с лишним лет оптимизация региональной экономики страны становится

ся более рациональной, координационное развитие региональной экономики достигает больших успехов [13].

В общем плане подход скоординированного регионального развития включает в себя реализацию как стратегии общей координации, так и стратегии, нацеленную на развитие основных функциональных областей, а также инициатив по предотвращению увеличения разрыва в ВВП за пределы умеренных диапазонов [14]. «Скоординированное региональное экономическое развитие... означает процесс все более тесных экономических связей между регионами, углубление экономической взаимозависимости, связанное взаимодействие и позитивное продвижение в экономическом развитии, устойчивое развитие региональная экономика и нисходящий тренд регионального экономического неравенства в открытых условиях». Для определения того, координируется ли развитие региональной экономики, используются три стандарта: межрегиональные экономические связи, региональный экономический рост, региональные экономические различия [15].

Таким образом, современная региональная политика Китая исходит из того, что различия в региональном экономическом развитии являются *объективным фактом* в экономическом и социальном развитии страны. Эти различия *помогают стимулировать* жизнеспособность в конкуренции между регионами, но в то же время слишком большой разрыв в региональном развитии будет ограничивать развитие всего Китая, негативным образом влияя на социальную справедливость.

Заключение

Будучи большой и разнообразной страной Китай, как и многие другие развитые и развивающиеся страны, включая США, Канаду, Бразилию, Россию и Индию, с неизбежностью сталкивается с проблемами справедливого регионального развития и национальной экономической интеграции. Как отмечают многие китайские специалисты, потребуется значительное время, прежде чем ныне менее развитые регионы страны смогут догнать быстрорастущий прибрежный регион, если это вообще возможно [6, p. 9].

Опыт специальных кампаний, целью которых являлось устранение неравенства в экономическом развитии регионов Китая, носит двойственный характер. С одной стороны, он показывает то, что готовность руководства страны вместе с централизацией власти способны существенным образом

менять шаблон пространственного распределения экономических ресурсов и объектов. С другой стороны, достигнутые перемены не являлись устойчивыми и зачастую сопровождались значительным ущербом с точки зрения экономической и социальной эффективности.

Усилия центрального правительства Китая перенаправить ресурсы с востока на остальную часть страны без устранения барьеров для межрегионального перемещения рабочей силы и капитала угрожают подорвать устойчивый рост на востоке, создавая тем самым новые проблемы для национальной экономической, социальной и политической интеграции Китая. Однозначного решения проблемы обеспечения высоких темпов роста и одновременного сокращения региональных неравенств пока что найти не удастся. Центральные и западные регионы не догоняют восток и одновременно расходятся друг с другом.

Усилия центрального правительства Китая в попытке перенаправить ресурсы с востока на остальную часть страны без устранения барьеров для межрегионального перемещения рабочей силы и капитала, угрожают подорвать рост на востоке, создавая тем самым новые проблемы для национальной экономической, социальной и политической интеграции Китая. Однозначного решения проблемы обеспечения высоких темпов роста и одновременного сокращения региональных неравенств пока что найти не удастся.

Руководство страны и КПК, разрабатывая проекты развития национальной экономики, определяют контуры региональной политики, исходя из оценок общей – внутренней и внешней – политической, экономической и социальной ситуации, результатов предыдущих подходов к управлению региональным развитием и тех целей, которые могут быть достигнуты с помощью их корректировки. Другими словами, региональная политика представляет собой процесс проб и ошибок, обучения и адаптации к изменениям в политической, экономической и социальной ситуациях. Накопленный ею опыт указывает на несколько важных моментов. Во-первых, преобладание в региональной политике конъюнктурных политических и военных целей, а не экономических соображений, превращает ее позитивные эффекты в ограниченные, а негативные последствия делает более разрушительными и долгосрочными. Во-вторых, эффективная политика управления региональным развитием невозможна без учета интересов регионов и местных органов власти, которые все активнее пы-

таются воздействовать на центральное правительство, используя для этого все доступные каналы [16, p. 139]. В-третьих, несмотря на значительные усилия, правительству в Китае становится все труднее контролировать и направлять экономику, поскольку рыночные механизмы в настоящее время оказывают гораздо большее влияние на многие хозяйственные процессы, включая региональное развитие, чем правительство. По мере постепенной либерализации экономики центральное правительство все больше утрачивает свой абсолютный контроль [6, p. 8]. Все это говорит о том, что Китай нуждается в дальнейших масштабных реформах, чтобы определиться с набором мер по сокращению регионального неравенства, адекватных меняющимся условиям, более действенных и эффективных.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-014-00012.

Список литературы

1. Козлов Л.Е., Волынчук А.Б. Региональная политика России на Дальнем Востоке: в поисках новых инструментов развития (2014–2016) // Россия в АТР: роль, интересы и приоритеты обеспечения региональной безопасности и ускоренного экономического развития. Владивосток, 2016. С. 77–94.
2. Макеева С.Б. Проблемы неравномерного развития Китая в работах китайских ученых-регионоведов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 1. С. 225–236.
3. Фартышев А.Н. Региональная политика России и Китая в отношении своих внутриконтинентальных территорий: Сибирь и Синьзян // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 2–1. С. 144–153.
4. Иванов С.А. Северо-Восток в региональной политике центрального правительства Китая в 2000–2010-е гг. // Россия и АТР. 2017. № 4 (98). С. 47–68.
5. Михеева Н.Н. Приоритеты регионального развития как фактор экономического роста // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2018. Т. 16. С. 32–55.
6. Yongnian Zheng, Minjia Chen. China's Regional Disparity and Its Policy Responses [Electronic resource]. URL: <https://www.nottingham.ac.uk/iaps/documents/cpi/briefings/briefing-25-china-regional-disparity.pdf> (date of access: 28.08.2019).
7. Yang D. Patterns of China's Regional Development Strategy. The China Quarterly. 1990. No.122. P. 230–257.
8. C. Cindy Fan. Uneven Development and Beyond: Regional Development Theory in Post-Mao China. International Journal of Urban and Regional Research. 1997. Vol. 21(4). P. 620–639.
9. Beijing Review. The Seventh Five Year Plan of the People's Republic of China for economic and social development. Beijing Review. 1986. Vol. 29. No.17. P. I–XXIII.
10. Beijing Review. Economic Growth in Different Areas. Beijing Review. 1986. Vol. 29. No 49. P. 21–24.
11. Xiang Deng, Zheng Lu and Xuezheng Chen. The Evolution and Impact of China's Regional Policy: A Study of Regional Support Policy for Western China. In: The Evolution of Economic and Innovation Systems. Andreas Pyka, John Foster (eds). N.Y.: Springer International Publishing, 2015. P. 119–145.
12. Wen, Ruchun. The Study of the Economic Development Strategy of Central China. In: Proceedings of 2010 International Conference on regional management science and engineering / Eds.: Joseph Kam Hung, Plum-blossom Zhao, Zhang Wei. International Conference on Regional Management Science and Engineering. Jinan, Shandong, 2010. P. 322–326.
13. «12-я пятилетка» Китая уделяет больше внимания координационному развитию региональной экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/7170097.html> (дата обращения: 28.08.2019).
14. Ying Du. China's Regional Development Strategy. In: The Oxford Companion to the Economics of China. Ed. by Shenggen Fan, Ravi Kanbur, Shang-Jin Wei and Xiaobo Zhang. Oxford: Oxford Scholarship, 2014. P. 520–522.
15. Wang Yiming. Implementing the Coordinated Regional Development Strategy [Electronic resource]. URL: http://en.theorychina.org/xsqy_2477/201801/t20180131_362143.shtml (date of access: 28.08.2019).
16. Xiang Deng, Zheng Lu, and Xuezheng Chen. The Evolution and Impact of China's Regional Policy: A Study of Regional Support Policy for Western China. In: The Evolution of Economic and Innovation Systems. Andreas Pyka, John Foster (eds). N.Y.: Springer International Publishing, 2015. P. 119–145.